

ТЕРЕЗА РОМЕЙН

Мое
сокровище

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P70

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Theresa Romain

SEASON FOR DESIRE

Перевод с английского *И.В. Соколова*
Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Ромейн, Тереза.

P70   Мое сокровище : [роман] / Тереза Ромейн ; [пер.
с англ. И.В. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-094825-3

Некогда дочь английского аристократа бежала в Новый Свет с американцем-простолудином Резерфордом — а свои драгоценности вынуждена была спрятать где-то на родине.

Теперь, после ее смерти, ее сын Джилс решает найти наследство матери — при помощи своего отца, вдовствующей графини Ирвинг и ее подопечной, юной очаровательной леди Одрины, вынужденной покинуть Лондон из-за происков наглого шантажиста.

Так начинается увлекательная история охоты за сокровищами, в которой есть все — таинственные шифры, веселые приключения и, конечно же, страстная и безумная любовь...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Theresa St. Romain, 2014
© Перевод. И.В. Соколов, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-094825-3

ГЛАВА 1

В которой начинается приключение вопреки желанию некоторых его участников

11 декабря 1820 года

Зимнее солнце зашло рано, над вересковыми пустошами Северной Англии сгустилась тьма, и благоразумные люди предоставили дорогу в полное расстройство грабителей, отчаянных смельчаков и почтовых экипажей.

Джилс Резерфорд не считал своего отца особо благоразумным, однако преступником или отчаянным тот тоже не являлся, по крайней мере — пока. Резерфорд-старший, которого звали Ричардом, был еще достаточно крепок и бодр для своих пятидесяти с лишним лет, но ему не больше чем Джилсу нравилось путешествовать в темноте — тем более если это путешествие сопровождалось непрерывным дождем. До Рождества оставалась одна неделя, их родная Филадельфия сейчас, конечно же, лежала под снегом, температура там опустилась ниже нуля. Однако здешние зимние ливни пробирали до костей гораздо быстрее, чем морозы.

Так что сегодня отец впервые не возражал против того, чтобы пораньше закончить очередной дневной

переезд и почти сразу же согласился остановить карету у постоянного двора «Гоут и Гонлит», расположившегося за древними каменными стенами города Йорк.

Как только их провели в отдельную гостиную, Джилс подсел к камину и протянул к огню ноги в промокших сапогах. А отец тем временем распорядился насчет сытного ужина. Помещение, которое им предоставили, имело низкий потолок и неровный пол — как и во многих других старых постройках в этой стране. Две масляные лампы всю старались рассеять царивший в комнате полумрак. Простой деревянный стол и такие же стулья были придвинуты поближе к камину — довольно широкому сооружению из закопченных кирпичей, внутри которого языки пламени не слишком-то весело лизали куски угля.

Имелся здесь и более серьезный недостаток: рама одного из окон покоробилась и в образовавшуюся щель задувал холодный декабрьский воздух. Джилс уже подумывал о том, что он мог бы, наверное, устранить данную проблему, но тут в комнату вновь вошел гостиничный слуга с подносом, на котором стояли глиняный кувшин и кружки. Причем слугу сопровождал какой-то субъект в грязном красном балахоне.

Джилс в удивлении приподнял брови.

— Па, это что, сытный ужин? — спросил он, взглянув на отца.

Проигнорировав вопрос, Ричард встал, чтобы взять кувшин (Джилс очень надеялся, что тот был наполнен горячим кофе), и, посмотрев на человека в красном, осведомился:

— Так вы слуга графа Аллингема? Хм... Весьма польщен.

Джилс нахмурился и проворчал вполголоса:

— Может, нам следует еще поклониться им или сделать реверанс? — Джилс забрал у отца кувшин и кивком головы отпустил гостиничного слугу. О, благословенное тепло!.. От прикосновения к горячей посудине в ладонях и в пальцах возникло приятное покалывание. И Джилс, тотчас же расслабившись, едва не застонал от удовольствия, наполняя первую кружку. Уже усевшись, он вдруг осознал, что пропустил начало истории, которую рассказывал графский слуга, имевший довольно-таки изнуренный вид.

— Поначалу полагали, что леди Одрина находится с визитом у подруги, — говорил новоприбывший, являвшийся, по всей видимости, ливрейным лакеем (судя по его алому одеянию, которое после многочасового путешествия верхом было сверху донизу заляпано грязью). — Но потом, когда все сроки миновали, а леди Одрина так и не вернулась, у графа возникло подозрение, что она сбежала со своим поклонником.

— Лично мне подобные подозрения кажутся преждевременными. Почему бы не предположить, что она отправилась со своей служанкой по магазинам... или навестила еще одну подругу? — сказав это, Джилс почти физически ощутил укоризненный взгляд отца. — А что?.. — продолжал он. — Такой вариант кажется более вероятным, чем бегство с каким-то проходимцем.

Нисколько ни изменившись в лице, графский лакей возразил:

— Прошу прощения, сэр, но, откровенно говоря, леди Одрина относится к тому сорту девиц, которые охотнее сбегут в Шотландию, нежели отправятся в Мейфэр*.

---

* Фешенебельный район Лондона. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Хм... убедительный аргумент. — Джилс отхлебнул из своей кружки. Кофе оказался крепким и обжигающим, оставлявшим на языке горечь и наполнявшим тело приятным теплом.

— Граф не может допустить, чтобы его младшая дочь сбежала с возлюбленным, — продолжал лакей. — Его светлость вместе с леди Ирвинг, с которой вы, по его словам, знакомы, сейчас также направляются сюда.

— Ах, леди Ирвинг... — протянул Джилс. — Замечательно! Твоя работа, отец, не так ли? Ты настолько уверен, что она непременно пожелает продать свои драгоценности, что посвятил ее во все детали нашего маршрута?..

Ричард, казалось, не расслышал слов сына, что, конечно же, являлось несомненным подтверждением верности данного предположения.

— Не думал, что леди Ирвинг склонна к дальним странствиям, — произнес Резерфорд-старший. — Мы виделись с ней в Лондоне несколько недель назад... Надеюсь, она по-прежнему в добром здравии?

— Насколько мне известно, сэр, ее светлость отлично себя чувствует. Она изъявила готовность помочь лорду Аллингему и ничуть не сомневается, что столь любезные джентльмены, как вы, сделают то же самое.

— А вот меня-то не стоит считать любезным, — пробурчал Джилс, поморщившись и массируя пальцы. После таких вот длительных переездов, как сегодня, руки у него болели гораздо сильнее, чем обычно.

Переступив с ноги на ногу, графский лакей поправил на своей коротко остриженной голове чуть сползавший набок парик. Этот странный головной убор явно утратил изначальную форму, однако пу-

дра на нем тем не менее сохранилась (как он вообще пережил столь дальнее путешествие?). Возможно, обладатель парика спрятал его под ливрею и водрузил обратно на голову лишь перед тем, как войти сюда.

Ох уж эти англичане с их традициями... Имидж — прежде всего! Хотя Джилс и сам — по материнской линии — был наполовину англичанином, он никогда не понимал этих британских причуд.

Прикрыв надлежащим образом макушку, графский лакей продолжил свою речь, сделав вид, что не расслышал заявление младшего Резерфорда.

— В том случае, если беглецы появятся здесь раньше, чем их преследователи... В общем, его светлость просит вас арестовать обоих, дабы...

— Арестовать?.. — перебил Ричард. Седеющий, но по-прежнему элегантный Резерфорд-старший резко выпрямился на стуле.

Джилс, унаследовавший от матери худощавое телосложение и рыжий цвет волос, внешне мало походил на отца, но на лице его сейчас появилось точно такое же — почти восторженное — выражение. Ведь все услышанное позволяло надеяться на еще одно приключение! Впрочем, он тут же нахмурился и пробормотал:

— Знаешь, па, а ведь слово «арестовать» англичане часто используют в значении «задержать, остановить». Вы ведь именно это имели в виду, не так ли?

— Да, сэр. Вас просят задержать их. Если вам, конечно, не трудно.

— Задержать карету... Это может получиться очень эффектно. — Ричард Резерфорд улыбнулся и призадумался. — Соорудить на дороге какое-нибудь препятствие, а потом, когда экипаж остановится, распахнуть дверцу и вызволить юную леди из беды. Что скажешь, Джилс?

— Я скажу... Полагаю, нам не следует в это вмешиваться, — неожиданно для самого себя заявил Джилс. — Одного объекта для охоты нам вполне достаточно.

— Где же твой рыцарский дух, сынок?

— Я оставил его на пристани в Филадельфии. — И действительно, вряд ли он поступил по-рыцарски, покинув младших сестер и братьев на пороге совершеннолетия (особенно — Рейчел, по-прежнему остававшуюся ребенком, несмотря на свой далеко не детский возраст). Однако средства на их содержание находились в распоряжении отца, и он опасался, что без его, Джилса, присмотра тот может полностью все растратить.

В большинстве семей обычно именно сыновья пускаются в различные авантюры, тогда как папаши стараются их вразумить. У них же в семье все было наоборот (вот только Джилсу никогда не удавалось отговорить родителя от предпринимаемых тем рискованных затей). И потому после двухмесячных странствий по Англии, во время которых они посетили каждый уголок, где его покойная мать могла бы спрятать свои драгоценности или же оставить на сей счет какие-либо указания, они оказались сейчас на этом постоялом дворе без особых дальнейших перспектив.

Более того, вместо этих самых «перспектив» они сейчас видели перед собой графского слугу, просившего их спасти какую-то избалованную английскую аристократку.

Руки по-прежнему пронизывала боль, и Джилс поймал себя на том, что постоянно сжимает и разжимает кулаки, лежавшие на столе. Когда он испытывал такую боль, время текло для него совсем иначе — словно какими-то рывками. И чем дальше, тем труднее

становилось отказаться от поисков, ради которых они с отцом пересекли океан, ради которых он, Джилс, покинул близких людей, так нуждавшихся в нем сейчас...

Чуть приподняв руки, Джилс резко встряхнул кистями, чтобы снять напряжение в суставах. Взглянув на графского слугу, спросил:

— Но с чего вы взяли, что счастливая парочка еще не миновала эту гостиницу? Если бы вы обогнали их на дороге, вы бы их наверняка заметили.

Слуга переступил с ноги на ногу и снова поправил на голове парик.

— Да вы сядьте, — предложил Джилс. — Вот сюда, к огню. Вы, должно быть, продрогли. — И он покосился на отца, как бы говоря: видишь, не такое уж я чудовище.

— Благодарю вас, сэр, но я не могу сесть. Это недопустимо. — Графский посланник мотнул головой, отчего его парик снова сполз набок. — Я полагаю, их карета где-то сломалась, поскольку следы колес исчезли с дороги. И я уже не мог определить, куда они направились.

— Отчего же? — удивился Ричард. — Карета ведь большая и тяжелая. Когда она катится, она приминает траву, сдвигает камни...

— Думаю, подобные детали нелегко разглядеть в такой ливень, — заметил Джилс. Почти все дороги в этой стране были старые, с весьма глубокой колеей. Излишняя влага быстро превращала их в месиво, а дождь вперемешку с мокрым снегом не прекращался уже третий день. Так что сбежавшая из Лондона парочка, возможно, как раз сейчас подъезжала к Йорку. — И вообще, они могут остановиться на другом постоялом дворе, — продолжал Джилс. — Могут даже поехать по другой дороге, так что...

— Маловероятно, — перебил Резерфорд-старший. — Ведь здесь — кратчайший путь из Лондона в Шотландию. И если они не захотят останавливаться, то мы их заставим. Более того, если понадобится, мы будем останавливать каждую проезжающую карету. Это будет настоящее...

— Настоящее приключение, — с усмешкой подсказал Джилс. Он с удовольствием придумал бы того человека, который придумал это ужасное слово. Для его отца, Ричарда Резерфорда, практически все становилось приключением — даже долгая езда по размытым дождями дорогам, а также совершенно безумный план по созданию в Лондоне ювелирной фирмы, которая могла бы конкурировать с известной компанией «Ранделл и Бридж».

— Замечательно! — кивнул Джилс. — Просто великолепно! Совершенно безукоризненный план. А теперь скажите мне, мистер в парике, почему ваш граф настроен против замужества своей дочери? Ведь обычно именно этого аристократы и хотят — выдать своих дочек замуж, разве не так?

На усталом лице слуги промелькнуло нечто вроде изумления.

— Подобный вопрос, сэра, лучше всего задать его светлости, — ответил он. Вероятно, этот человек внезапно что-то осознал. Возможно — тот факт, что за небольшую в общем-то плату он и сам готов был помчаться черт знает куда, непонятно зачем и с ничтожнейшими шансами на успех. Возможно, этот слуга тоже предпочел бы сбежать, нежели оставаться на прежнем месте.

И тут Джилс, как ни странно, проникся сочувствием к этому человеку, проделавшему столь долгий путь верхом; тот, не жалея себя, мчался во весь опор под дождем и снегом.

— Мы поможем вам, — сказал он, решительно кивнув. Но сделают они это не ради взбалмошной юной аристократки, а ради ее измотанного слуги.

— Да, конечно, поможем, — подтвердил отец.

Джилс знал, что для того вопрос об этом даже не стоял; если кто-то просил о помощи, Резерфорд-старший всегда был готов сделать все, что в его силах.

Снова взявшись за кувшин, Джилс проговорил:

— Снимай свой парик, приятель, и присаживайся. Выпей с нами кофе, пока не подъехал твой хозяин. Я понаблюдаю за дорогой.

Леди Одрина Брэдли, самая младшая из пяти дочерей графа Аллингема, нередко мечтала о бегстве в Шотландию. Однако то, что происходило сейчас, не очень-то соответствовало ее мечтаниям — ведь в них просто не мог присутствовать Дэвид Ллуэлин. Но, увы, именно его костлявая физиономия возникла перед ней в данный момент.

— Очнулась наконец-то, — проговорил он, глядя на нее сверху вниз. — Что ж, отлично. А я уж думал, что ты проспайшь до самой границы...

Кроме того, в мечтах не могло быть пульсирующей головной боли, неизменно усиливавшейся на всех ухабах и рытвинах, а также горьковатого тошнотворного привкуса опийной настойки во рту.

С трудом сдерживая стон, Одрина приподнялась и села. Чуть приоткрыв глаза, она осмотрелась. По крыше и по стеклам барабанил дождь, внутри кареты горели лампы, а снаружи было темно. И она по-прежнему лежала на темно-зеленых бархатных подушках.

— Ты негодяй, Ллуэлин, — произнесла она, едва шевеля пересохшими губами. — Если уж берешься

похищать девушку, используй собственную карету, а не мамочкину.

Ллуэлин откинулся на спинку противоположного сиденья. Его губы скривились в ухмылке.

— Это не похищение, моя дорогая Одрина, а то самое приключение, которого ты так хотела.

Одрина тяжело вздохнула. Казалось, все происходившее было кошмарным сном. Однако протянутая ей фляга содержала вполне реальную воду — вода забрызгала ее руки и платье, когда она кое-как отвинтила крышку. К счастью, эта же вода смочила ей горло, и она смогла наконец внятно проговорить:

— Ты что-то сказал о границе?.. То есть ты везешь меня в Гретна-Грин?

— Нет, в Голдстрим-Бридж. Это гораздо ближе. Ну... если, конечно, ты не согласишься обвенчаться со мной в Англии.

Одрина закупорила флягу и швырнула ее обратно Ллуэлину — она не желала, чтобы его пальцы прикасались к ее руке.

— Ни в Англии, ни где-либо еще, — заявила она.

— Дорогая, какой смысл сопротивляться? В конце концов, между нами ведь уже имела место интимная близость. То есть мы уже осуществили брачные отношения...

— Не утомляй меня этим романтическим бредом. Такие же отношения у тебя были и с другими — как до меня, так и после.

— Да, верно... — Ллуэлин нахмурил брови, черневшие в мерцающем свете лампы. — Но я предпочел бы жениться на тебе. Ведь мы неплохо позабавились, не так ли?

— Смотря какой смысл вкладывать в слово «позабавиться»... — проворчала Одрина. Если Ллуэлин

имел в виду физическое удовольствие, то он-то получил его сполна, а вот она — ни разу.

Тут карету снова тряхнуло, отчего ее зубы клацнули и возобновилась болезненная пульсация в висках. Должно быть, от дождя дорогу сильно развезло.

— М-м-м... как только моя голова немного прояснится, я тут же выброшусь наружу, — пробормотала девушка.

Впрочем, угроза, конечно, пустая... Она не была даже уверена, что ошущала пальцы на руках и ногах.

— Полагаю, настойка опия по-прежнему затуманивает твоё сознание. — Ллуэлин произнес это таким беспечным тоном, как будто высказывался насчет погоды.

О господи, неужели она действительно считала его привлекательным? Ну, в общем-то, да, считала... Его мрачно-элегантный облик и склонность к риску в какой-то мере соответствовали ее представлениям об идеальном мужчине. Но она так думала несколько месяцев назад, когда была совсем еще глупой. Теперь-то она знала: он просто хотел заполучить ее приданое, чтобы расплатиться со своими долгами, в чем сам же и признался в момент откровенности. Именно поэтому она и порвала с ним, однако...

Похоже, он по-прежнему считал, что имеет право на ее деньги.

Прикрыв глаза, Одринна снова уронила голову на подушку и пробормотала:

— Да, я не привыкла употреблять настойку опия. Как тебе это удалось?

— Как удалось сделать так, чтобы ты ее приняла?.. Проще простого, моя дорогая. Небольшая взятка твоей горничной — и она опорожнила пузырек в твой вечерний чай.

— Перестань называть меня «моя дорогая». — Одрина поморщилась. — И по имени тоже не называй. Я настаиваю, чтобы мы остановились у первого же постоянного двора. — Откуда она сразу же напишет, чтобы ее горничную немедленно уволили.

— Да-да, конечно же, остановимся! Ведь тогда люди увидят, что мы с тобой вместе.

— Нет... Ты войдешь первый, а я... — Одрина вздохнула. Ее сознание по-прежнему застилал туман. Она крепко зажмурилась, — но так и не смогла представить своих дальнейших действий. Ведь у нее не было ни сопровождающей, ни денег... О боже, ей даже не во что переодеться, если только вероломная Салли не соизволила упаковать для нее какие-то вещи. И вряд ли кто-то поверит, что она, Одрина, — девушка из благородной семьи, которую увезли против ее воли.

— Не беспокойся, я о тебе позабочусь, — послышался голос Ллуэлина, прозвучавший как эхо, — словно он зывал к ней откуда-то издалека.

— Ничего от тебя не приму, — пробурчала Одрина.

Его смех, казалось, прогремел в замкнутом пространстве кареты, а затем он проговорил:

— А ты уже приняла. Ты ведь пила из моей фляги, даже не поинтересовавшись, что в ней.

Хм... а действительно, что там было?.. Вода?.. Да, вода, но с каким-то горьковатым привкусом и...

— Ты негодай, — произнесла девушка слабым голосом, после чего снова погрузилась в наркотический сон.

Когда Одрина вновь пришла в себя и открыла глаза, над ней склонялось уже другое лицо. Лицо, имевшее четкие волевые черты — как у античной скульп-

туры. А еще у этого человека были коротко остриженные волосы с медным отливом, поблескивавшие в свете...

Нет, она находилась не в карете. Над ней висела довольно большая лампа... Висела на крюке, вделанном в грубо оштукатуренную стену.

— Где я? — спросила Одрина.

Голова у нее по-прежнему была тяжелой, но инстинкт самосохранения вернулся — вернулась и способность рассуждать. И было совершенно ясно: она не знала мужчину, сжимавшего сейчас ее плечи. Поэтому, ни секунды не раздумывая, она ударила его ногой.

Незнакомец выругался, причем — с акцентом.

— Вы американец?.. — спросила Одрина. О боже, куда она попала?

— Ага... Угадали... — пробурчал мужчина. Он отпустил ее, но не сразу — сначала осторожно прислонил ее спиной к стене. — Ну а вы, как я понимаю, своенравная дочь графа Аллингема, верно?

— Я?.. Да, верно. А где же...

— Тот субъект, что был с вами, в полном порядке, — сообщил незнакомец. — А находитесь вы в Йорке, на постоялом дворе «Гоут и Гонтлит».

— В Йорке?.. — пролепетала Одрина. Ее ноги совсем ослабели, и она, сползая по стене, обвела взглядом комнату, в которой находилась. Скорее это была даже не комната, а коридор с грязным затоптанным полом. А по бокам от нее находились две двери; за одной из них слышался шум дождя, а за другой — голоса людей, говоривших с североанглийским акцентом...

— Боже мой, Йорк... — пролепетала Одрина.

— Вы, должно быть, проголодались, — предположил незнакомец. — Сейчас я покажу вам, где умыть-